

## РАЙКО ЖИНЗИФОВ И МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

Постепенное ознакомление Р. Жинзифова с русской классической литературой является фактом решающего значения для дальнейшего развития поэта.

Жинзифов приехал в Россию, имея самые смутные представления о русской литературе вообще и о литературе XIX столетия в особенности. Но несмотря на это он правильно сумел выбрать самых лучших и прогрессивных поэтов русской и украинской классической литературы. Доказательством этого служит и его обращение к поэзии М. Ю. Лермонтова,<sup>1</sup> А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, Т. Г. Шевченко, А. Н. Плещеева, И. И. Козлова и др. В определенные периоды жизни и творческого развития на Жинзифова оказали воздействие произведения этих передовых романтических, демократических и революционно настроенных русских и украинских поэтов. Их творчество способствовало обогащению и развитию его собственного творчества. Темы их произведений были созвучны или близки его настроениям, отвечали потребностям его духа. Жинзифова сближала с их поэзией прежде всего неудовлетворенность жизнью, протест против всяких форм угнетения, неизлечимая скорбь, мятежная тоска. И вполне естественно, что юный Жинзифов заимствовал отдельные выражения, поэтические строки, мотивы, идеи, приемы формы у Лермонтова,<sup>2</sup> Козлова, Пушкина, Некрасова, Шевченко и других. Факт установления того или иного заимствования, сам по себе говорит мало. Важно то, какого рода, какого характера это заимствование — подражание, перефразировка или пересказ.

---

<sup>1</sup> Дочо Леков, на наш взгляд, неправильно говорит о Жинзифове как об одном из первых переводчиков поэзии Лермонтова; Жинзифов не переводил Лермонтова. См. Жинзифов, Р.: *Съчинения*. Подбор и редакция Дочо Леков, София 1969, с. 19.

<sup>2</sup> О том, что Жинзифов читал произведения Лермонтова, он упоминает в письме П. И. Бартеневу от 13 июня 1862 года. См. Ерихонов, Л. С.: *К. Жинзифов и П. И. Бартенев*, Известия на Института за литература на БАН, кн. XVI, София 1965, с. 171.

Во многих случаях заимствованные Жинзифовым выражения, темы и мотивы получают новое смысловое и художественное содержание, новую художественную концепцию. Никогда нельзя говорить об абсолютном подражании или простом повторении. Собственно, любое абсолютное заимствование и подражание было бы в сущности бессмысленным и означало бы стагнацию. Влияние русских поэтов на творчество Жинзифова служит главным образом стимулом духовного роста и развития поэта. Русская и украинская прогрессивная демократическая литература ему помогает выработать свой собственный поэтический словарь, формировать свое отношение к жизни, к исторической действительности, способствует развитию тем его поэзии.

Отбор литературных произведений для перевода, перевода-подражания, пересказа, или просто выбор только общей тематики и отдельных сюжетов связан с историко-литературным развитием данной литературы, политическими условиями данной страны и, в конце концов, с требованиями и мирозерцанием автора, занимающегося таким отбором.

Вопросом о влиянии поэзии М. Ю. Лермонтова на творчество Райко Жинзифова занимался уже М. Николов, не доказывая подробнее, в чем именно это воздействие состоит.<sup>3</sup> Затем о воздействии творчества Лермонтова на нашего поэта писали и некоторые другие исследователи.<sup>3а</sup>

Что касается отношения Жинзифова к поэтическому творчеству Лермонтова, то здесь встречаемся с интересным случаем. Стихотворение Жинзифова „Молитва“ (1862) начинается теми же самыми словами, как и одноименное стихотворение Лермонтова („Я мать божия, ныне с молитвою / Пред твоим образом, ярким сиянием“). Жинзифов берет из стихотворения Лермонтова только название, первую строку и первую половину второй строки. П. Динев неправильно включает стихотворение Жинзифова в его переводы,<sup>4</sup> хотя автор стихотворения при первом его печатании не обозначил, что речь идет о переводе. В издании под редакцией З. Здравевой,<sup>5</sup> наоборот, говорится о произведении как о стихотворении Жинзифова, хотя без необходимых сопоставлений. Сравнивая оба стихотворения, мы узнаем, что „Молитва“ Жинзифова не является ни переводом, ни подражанием в собственном смысле слова, ни переводом-подражанием Лермонтову. Жинзифов работает над своим стихотворением совершенно самостоятельно. М. Ю. Лермонтов ему дает какой-то толчок, импульс. Надо отметить, что такой подход для Жинзифова характерен не только

<sup>3</sup> Николов, М.: *Лермонтов у нас*, Златогор II, 1924, кн. 10, с. 629;

<sup>3а</sup> Велчев, В.: *Въдействието на руската класическа литература за формиране и развитие на българската литература през 19 век*, София 1958, с. 36 и сл.; Спасов, А.: *Поезијата на Рајко Жинзифов*, „Трудови“ на Катедрата за историја на книжевноста на народите на ФНРЈ, год. 1, бр. 1—2, Скопје 1960, с. 17—29; того же: *Рајко Жинзифов — живот и книжевна дејност*, Годишен зборник на Филозофскиот факултет — Историско-филолошки оддел, кн. 12, Скопје 1960, с. 221—225; Конески, Б.: *Македонската литература во 19 век (краток преглед и текстоси)*, Скопје 1950, с. 21—25; см. также Конески, Б.: *Избрани дела во седум книги*, кн. 4, Скопје 1967, с. 132—150 и др.

<sup>4</sup> Жинзифов, Р.: *Избрани творения*, под редакцијата на П. Динев, 2 издание, София 1943, с. 95.

<sup>5</sup> Жинзифов, Р.: *Съчинения*, съкмила З. Здравева, София 1927, с. 40.

по отношению к поэзии Лермонтова, но и Некрасова, Шевченко и других русских поэтов.

Прежде чем разобрать „Молитву“ нашего поэта и сопоставить ее с „Молитвой“ Лермонтова, нам хотелось бы сказать несколько слов о знакомстве и отношении Жинзифова к творчеству Лермонтова. О том, каким годом датируется первое обращение Жинзифова к поэзии Лермонтова, мы не имеем никаких положительных данных. Можно предполагать, что Жинзифову дает возможность ознакомиться с творчеством Лермонтова прежде всего „Русская хрестоматия“ русского историка литературы и педагога Алексея Дмитриевича Галахова (1807—1892), которая выдержала много изданий. Предполагается, что Жинзифов пользовался новейшим ее изданием. В „Русской хрестоматии“ Галахова Жинзифов мог познакомиться с целым рядом стихотворений Лермонтова.<sup>6</sup> Здесь, однако, перед нами встает вопрос: если Жинзифов имел возможность познакомиться обширнее с поэзией Лермонтова, чем объяснить то, что именно стихотворение „Молитва“ дало ему толчок к написанию собственного стихотворения? Ответ на этот вопрос дают, помимо самого стихотворения, также его стихотворения „После смъртта на С. Филаретов“ и „После смъртта на Огнянов“.

Лермонтов написал свое стихотворение в заключении,<sup>7</sup> которому подвергся за написание стихотворения на смерть Пушкина. Тема лермонтовской „Молитвы“ совершенно другая, чем тема стихотворения Жинзифова. Лирическая „мать божия“ Лермонтова хочет „вручить деву невинную теплой заступнице мира холодного“, в то время как Жинзифов просит, чтобы „ангел смертоносный“ не лишал поработенный народ его лучших борцов, его синовых-заступников народных интересов. Жинзифов опять откликается на современные темы и конкретно говорит о „трех добродетельных душах прекрасных“, которые в течение всего лишь половины года умерли. В. Велчев<sup>8</sup> ошибочно думает, что стихотворение было написано в 1862 году и что в нем говорится о братьях Миладиновых и И. Хаджиконстантинове-Джиноте. На похоровах И. Н. Денкоглу (январь 1861) Жинзифов читает речь, в которой приводит тоже текст стихотворения.<sup>9</sup> Из того ясно вытекает, что стихотворение „Молитва“ Жинзифова было написано вероятнее всего во второй половине 1860 года. С некоторыми редакционно-стилистическими различиями оно потом было напечатано в сборнике „Братский труд“ (1862).

Жинзифов диаметрально отличается от Лермонтова в развитии мотивов одинаково начатого стихотворения. Если Лермонтов говорит лирическими стихами об „окружении счастьем девы“:

---

<sup>6</sup> „Русская хрестоматия“ А. Д. Галахова содержала следующие стихотворения Лермонтова: Море, Воздушный корабль, Бесы, Пророк, Молитва, Спор, Парус, Выхожу я на дорогу, Из Гете и др.

<sup>7</sup> Помимо стихотворения „Я мать божия...“ в заключении написаны еще стихотворения: Кто б ни был ты, печальный мой сосед, Когда волнуется желтеющая нива, написанные с помощью вина, печной сажи и спички.

<sup>8</sup> Велчев, В.: *Въдействието на руската класическа литература за формиране и развитие на българската литература през 19 век*, София 1958, с. 36.

<sup>9</sup> Жинзифов, Р.: *Публицистика в два тома*, том 2, София 1964, с. 285.

Окружи счастьем душу достойную,  
Дай ей сопутников полных внимания,  
Молодость светлую, старость спокойную,  
Сердцу незлобному мир упования,

то Жинзифов выражает свои патриотические томления. Он думает о судьбе народа:

Счит защитницы съдба смъртоносна.  
Защо? За народни ли грешки?  
Дай нам помощ в дни чърни, дни тежки,  
Таква съдбина нам несносна.

И последняя строка стихотворения Жинзифова кульминирует совсем иначе, чем у Лермонтова. Только при сопоставлении последнего четверостишия становится ясным, что Жинзифов работает совершенно самостоятельно. Лермонтовский любовно-романтический мотив заменен патриотическим мотивом Жинзифова, хотя его стихотворение не лишено романтической окраски.<sup>10</sup> Наш поэт отражает действительность по совершенно другим принципам, его герой является выразителем социально-типичных переживаний.<sup>11</sup>

Поэт учится у Лермонтова стройности стиха, ритмике, размерам, просто основам стихосложения. До какой степени ему это удалось, это уже другой вопрос.

Об интересе Жинзифова к творчеству М. Ю. Лермонтова свидетельствует дальнейшее сопоставление его стихотворения „На младенецът А...“ со стихотворением Лермонтова „Ребенка милое рождение“ (1839) и „Козачья колыбельная песня“ (1840). Стихотворение „Ребенка милое рождение“ было написано при известии о рождении сына у Александра Александровича Попухина, друга университетских лет и родственника Лермонтова. Оно было отправлено Александру Александровичу в письме, как пишет сам Лермонтов, для детского употребления. Стихотворение Жинзифова посвящено сыну Алеше Петра Ивановича Бартенева (1829—1912), культурного деятеля, историка, археографа и библиографа, близкого друга.<sup>12</sup> Об их отношениях Л. С. Ерихонов пишет: „Жинзифов был близким человеком в семье Бартенева. Русский ученый проявлял интерес к его положению; он оказывал ему помощь и поддержку, доставлял ему репетиторство в домах своих знакомых, работу в Чертковской библиотеке; помогал в распространении „Братского труда“, содействовал его научным и литературным занятиям; печатал его статьи в „Русском архиве“. Далее Л. С. Ерихонов сообщает и следующее: „Жинзифов делился с Бартеневым своими литературными и житейскими планами; подчеркивая

<sup>10</sup> Велчев, В.: *Указанное соч.*, с. 37.

<sup>11</sup> Несмотря на то, что Жинзифов берет от Лермонтова отдельные стихи и слова, как, напр., первая строка и некоторые другие: в ночь ли безгласную × в пощи безгласни, Дай ей сопутников × Дай нам помощ.

<sup>12</sup> Ерихонов, Л. С.: *К. Жинзифов и П. И. Бартенев*, Известия на Института за литература на БАН, кн. XVI, София 1965, с. 163—190.

свою симпатию к Бартеневу, он опубликовал большую статью в газете „День“ о Миладиновых в форме письма к своему русскому другу; жене Бартенева Софье Даниловне им посвящено стихотворение „Разговор със сльъцето“.<sup>13</sup>

В последнем до сих пор открытом письме Жинзифова Бартеневу от 10 июня 1865 года поэт пишет: „Неужели я буду в состоянии позабыть дом, в котором я в течение стольких лет постоянно встречал радушный и непритворный прием? Никогда. Дом Аксакова и дом Бартенева навсегда останутся в моей памяти, где бы ни повела меня моя судьба.“<sup>14</sup>

Стихотворение „Ребенка милое рожденье“ Лермонтова содержит 16 строк и является каким-то эмоциональным выражением радости над рождением нового человека:

Да будет с ним благословенье  
Всех ангелов небесных и земных!  
Да будет он отца достоин,  
Как мать его, прекрасен и любим;  
Да будет дух его спокоен  
И в правде тверд, как божий херувим!

Стихотворение Жинзифова „На младенецът А...“, хотя и было написано по Лермонтову,<sup>15</sup> отличается не только своей самостоятельной обработкой данного мотива, взятого у Лермонтова, но и объемом, сложностью и формой. Оно содержит шесть четырехстрочных строф. Автор говорит о ребенке как о перворожденном сыне (и действительно, Алеша был перворожденным сыном Бартенева) с „чистой, пречистой душой невинной“, о котором мать старательно заботилась:

Кога горна за спанье навеждаш клепка  
А майка те клават во малка колебка,  
На мека постеля, на мека перница,  
Под нейна пазуха заспиваш како птица,  
И дор да заспиеш с пазуха те хранит,  
Те чуват, те хладит, от мухи те бранит,  
Ти баит, ти пеет и песни детински,  
Она тежки забрават болки рожбински.

Жинзифов в своем стихотворении прекрасно, чувствительно, с большой правдивостью и конкретностью воспеваает женщину-мать, роженицу, хранительницу жизни и воспитательницу. Идея матери является у Жинзифова любимым мотивом.

<sup>13</sup> Там же, с. 163.

<sup>14</sup> Там же, с. 190.

<sup>15</sup> Стихотворение посвящено сыну П. И. Бартенева Алеше. См. Ерихонов, Л. С.: Указ. соч., с. 164—190; Поленаковик, Х.: *Кoj е младенецот А... кому му е по-светена песната „На младенецът А...“ од Рајко Жинзифов*, „Прилози“ на МАНУ, 1, 1—2, Скопје 1976, с. 35—42,

Несколько слов о „Козачьей колыбельной песне“. Жинзифов в стихотворении „На младенецъ А...“ хотел вывести образ матери. „Козачья колыбельная песня“ является „апофеозом матери“. В ней Лермонтов дал „индивидуальное значение общей идее“ — как выразился В. Г. Белинский. Хотя наш поэт хотел выразить ту же идею в стихотворении „На младенецъ А...“, ему не удалось изобразить художественно все особенности. О „Козачьей колыбельной песне“ можно сказать, что если она не служила Жинзифову непосредственным примером для написания собственного стихотворения, то все обстоятельства говорят о том, что он ее хорошо знал.<sup>16</sup>

Надо сказать, что Жинзифов не смог проникнуть в глубину и тайну женского и материнского чувства, дать ему волнующее художественное выражение, как это делает Лермонтов. В „Козачьей колыбельной песне“ дан нежный лирический монолог матери к ребенку. У Жинзифова монолог поэта к ребенку. Наш поэт не сумел выразить все особенности и оттенки, все то, что есть святого, беззаветного в любви матери, весь трепет, всю негу, всю страсть и бесконечность кроткой нежности, всю бескорыстную преданность матери, которая в своей полноте воспроизведена у Лермонтова.

Возможно, что когда Жинзифов писал свое стихотворение „Безсонница“, он хорошо знал стихотворение Лермонтова „И скучно и грустно“ (1840); сам Жинзифов в то время находился в подобном положении, когда некому было руку подать. Мысль поэта — помощь своему народу, грызет его совесть, так как „годы проходят — все лучшие годы“ и он недоволен тем, что до сих пор мало сделал для своего народа на юге.

Наконец можно сказать, что Лермонтов и Жинзифов — поэты разных эпох, разных мировоззрений, разных личных переживаний, с разным отношением к действительности и, в конце концов, и разных поэтических систем. Использование Жинзифовым в своей поэзии разных лермонтовских (и также пушкинских, некрасовских, и др., как мы увидим дальше) мотивов, сюжетов, тем, ритмико-синтаксических схем и фразеологических оборотов нельзя еще рассматривать как полную зависимость его стихотворений от поэзии Лермонтова или других поэтов, или говорить о них как о „перепевах“ или подражаниях. Отношение одного поэта к творчеству другого поэта очень сложное дело (см., напр., отношение Некрасова к Лермонтову, у которого на фоне его новой лирики лермонтовские схемы и пародии Некрасова на Лермонтова получают совсем иное значение, новое содержание; напр., „Колыбельная песня“).

Конечно, отдельные мотивы и воздействия одного поэта могут войти в творчество не только поэта единомышленника, но и в творчество поэта, идейно далекого, или даже занимающего противоположную позицию в борьбе данной эпохи. В нашем случае Жинзифова сближают с поэзией Лермонтова прежде всего любовно-романтические и патриотические настроения.

---

<sup>16</sup> Ср. Лермонтов: спи, младенец, Жинзифов: спи, ти младенец, Лермонтов: Спи младенец, мой прекрасный, Жинзифов: Младенец, как ангел прехарен = прекрасный и др.